

ВАДИМ МОЛОДЫХ

Разность зара

ПОВЕСТЬ-ПАМФЛЕТ

Вадим Молодых Разность заразы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191772

ISBN 9785447448585

Аннотация

Вместо ожидаемых «зелёных человечков» из космоса на Землю вселяется некая плесень, заставляющая людей быть невольно искренними. Никакая здешняя отравка космическую заразу не берёт, и земное мироустройство рушится. Русский химик Борис вынужден бежать от преследования обезумевших властей к своему коллеге Роберту, который уже даже общаться с плесенью научился.

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	14
Глава IV	19
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Разность заразы

Повесть-памфлет

Вадим Молодых

Под её руководством внутренний мир – отделение – почти всегда находится в полном соответствии. Но беда в том, что она не может быть в отделении постоянно. Часть её жизни проходит во внешнем мире. Так что она не прочь и внешний мир привести в соответствие.

Кен Кизи

«Полёт над гнездом кукушки»

© Вадим Молодых, 2016

© Алексей Железняк (GROMUS), иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Пренеприятное известие

Чрезвычайность заседания правительства подчёркивалась его утренним часом воскресного дня, когда даже сверхзанятые вельможи имеют право не думать о работе. Недовольство к общему безопасному удовлетворению сменилось растерянностью на лицах экстренно вызванных министров, поднятых с постелей жён и любовниц, отозванных с дач, охот, рыбалок и даже курортов специально посланными самолётами – срочность не предполагала церемоний, а потому секретное наблюдение тайной полиции пришлось косвенно обнаруживать открытием её осведомлённости о внеслужебной жизни каждого. Впрочем, подтверждение слежки беспокоило меньше всего – она и без этого была ясна... А вот повестка дня, объявленная каждому только по прибытии на место – ни в коем случае не по телефону, упаси боже! – была поистине сенсационной:

– Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие... – начал президент, обеда всех свежим (в отличие от многих) и строгим (по должности) взглядом. – К нам летят инопланетяне!..

И снова панорамный обзор всех присутствующих, словно бы в мониторинге, кто из них наиболее психологически устойчив. Скрыть эмоции не удалось никому. Оно и понятно – сенсация! Не года сенсация, не века и даже не тысячелетия... Сенсация всей жизни! Всей истории человечества... Всего бытия... Вселенская сенсация!!!

Лица министров мыслей каких-то не выражали: открытые рты и немигающие глаза – это сразу вначале, и переглядывание с показательным поднятием бровей и сжатием губ в немом восклицании «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – это через пару мгновений потом. И только после мимических реакций пришли мысли – у кого какие, но в основном примерно одинаковые: «Что ж теперь будет-то?!» Наконец самые проникательные уловили до конца суть президентского сообщения в его характеристике как «пренеприятного». Стали выражать лицами готовность к восприятию продолжения с тем, чтобы президент помог им в определении их собственной реакции. Президент дождался, когда эту готовность станут выражать все.

– Сам по себе прилёт инопланетян... Вернее будет сказать, инопланетного разума, ведь неизвестно ещё в какой форме он существует – совсем необязательно, что в человеческой... Так ведь, космическое агентство?... Так вот... Именно по этому поводу не надо поднимать преждевременную тревогу, хотя готовность номер один уже нужно объявлять по войскам, МВД и далее по списку – в рабочем режиме... Да! МЧС! МЧС – как всегда, в первую очередь! У них всегда больше всего работы... Однако собрались мы вот ещё почему... Да будет вам известно, что местом посадки... вернее сказать, приземления, по сведениям наших источников, выбрана территория Соединённых Штатов Америки.

Пауза. Взгляд-мониторинг. Испытующая строгость. Растерянность присутствующих. Отсутствие видимых реакций на лицах – это в первое мгновение, затем наиболее проникательные начинают изображать возмущение. Глядя на них, нужной эмоцией проникаются и все остальные. Президент снова дождался единодушия на лицах и продолжил:

– То есть получается, что инопланетяне местом своей высадки выбрали... Почему-то?!.. не нашу Великую Державу, – президент так и сказал, как написал: с прописных заглавных букв, – а заокеанскую страну-выскачку, претендующую на роль мирового жандарма, пропитанную спесью страну без тысячелетней истории и культуры.

Сдерживая гнев в показательном усилии, шевеля желваками, президент опять оглядел подчинённых. Те поняли – надо что-то говорить... Хотя почему что-то? Ясно что! Реплика, которую можно назвать общей, не заставила себя ждать:

– Это они их как представителей Земной человеческой расы воспринимают, что ли? С ума сошли!..

– Осмелюсь заметить... Про сумасшествие применительно к инопланетянам может быть не совсем корректно...

Это был неуверенный голос представителя научной среды, тоже приглашённого – а как же! – вдруг что умное присоветует.

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли... – уже увереннее в интонации, по-прежнему, однако, переполненной сомнением. – Мы же не знаем природу их мышления. Может они руководствуются в своём поведении только тем, что мы называем рефлексами, а не, как мы, ещё и логическими выводами...

– Да это по фигу! – снова возглас, выражающий общее мнение собравшихся, в сердцах выпаленный недавно назначенным министром культуры, который до этого носил погоня тайной полиции (той самой, которая теперь за ним самим присматривает), а потому оставался переполненным патриотизмом. – «С ума сошли» – это вообще фигура речи... Но позвольте!.. Что же это они, по-вашему, на одних рефлексам хрен знает откуда к нам сюда прилетели?

– Почему бы и нет... Если история эволюции их расы гораздо продолжительнее нашей... У нас ведь тоже уже довольно ясно устанавливается рефлекторное восприятие жизни каждым отдельным гомо сапиенс, приученным подчиняться большинству.

Все наконец разглядели сидящего на задворках зала заседаний за отведённым под науку приставным столом некоего тщедушного профессора с академической бородкой – по виду чистого теоретика.

– А-а, это типа «Все побежали – и я побежал»? – уточнил министр культуры.

– Ну... да.

– Тогда по-вашему выходит, что они, пришельцы эти чёртовы, и к америкосам чисто рефлекторно подались?

– Да, – профессор невольно поморщился от лексики и тона министра культуры. – Глянув сверху на исходные данные, они – пришельцы – выбрали очевидного Земного лидера среди народов... Разделённых пока ещё на нашей планете всякими устоявшимися условностями...

– Ага... Америкосы, значит, лидеры?! Вы соображаете, что вы мелете?! Пятая колонна какая-то... – Быстрый взгляд на президента. – И это на заседании правительства! Где ваш патриотизм?!

– А причём тут патриотизм? Это факт... И пришельцы его подтверждают... Невольно, заметьте.

Минкульт вскочил:

– Вон отсюда! Во-о-он!!!

Его мор... лицо от гнева раскалилось докрасна. Встал и профессор – в противоречии министру культуры холодно бледный.

Со стороны главного места раздалось успокоительное:

– Ну-ну-ну...

Президент хоть и выбрал примирительный тон, но и в нём угадывалось одобрение пережитых минкультом эмоций:

– Садитесь, министр. Не надо горячиться... Садитесь и вы, профессор. Давайте продолжим спокойно.

Минкульт сел, остывая по команде, и понемногу теперь пар выпускал, чтобы снова не взорваться:

– Астрономы, блин... Астрофизики...

Очевидно, накопление пара не уравнилось его расходом и требовало ещё одного выхода, а потому минкульт продолжил в голос, хоть и не криком, но слышно для всех:

– Нет, вы подумайте! Осмеливаться говорить такое!.. И где?! На заседании кабинета министров! А ещё при этом они постоянно плачут, что им денег на науку не хватает... Минфин, сколько на них в бюджете заложено?

Тот ответил. Последовало продолжение вопроса:

– А сколько это будет сегодня в долларах? – Минфин уточнил. – Во-от... Представляете!

– Хватит! – президент теперь вынужден был повысить голос и обвести всех своим фирменным взглядом. – Ладно... Хрен с ними... Это я про учёных... Интеллигенция, мать её! Ей всегда всё не так... Стоп, я сказал! Хрен с ними, повторяю... Это я опять про учёных, а не про инопланетян... Продолжим в рабочем режиме... Наш представитель на встрече с ними должен быть! – И утвердительный показательный хлопок ладонью по крышке стола. – Где министр иностранных дел? Не вижу... Заседание правительства, понима-ашь, поистине вселенского масштаба, а его нет! Кто за него? Референт? Где он?

Встал человек.

– Да не вы где!.. Министр ваш где, спрашиваю?

– Не успел прибыть на заседание по техническим причинам...

– То есть?

– У самолёта один двигатель не завёлся...

– Почему?

Референт пожал плечами.

– А что за самолёт? Боинг? Вот она – хвалёная передовая нация...

– Нет, самолёт Ил.

– Ил? А откуда он лететь должен был?

– Из Евросоюза.

Тут снова подскочил так и не остывший до конца минкульт:

– Это они ему поганого топлива закачали... Бестолочи! Мы, понимаешь, им высококачественную нефть поставляем, а они её в нормальный бензин перегнуть не могут... Тоже мне...

Президент, не в силах скрыть одобрительную улыбку, тем не менее, ладонью приказал успокоиться и сесть.

Тут распахнулась дверь, и в зал вбежал, как влетел на всех рабочих двигателях, запыхавшийся министр иностранных дел:

– Извините...

– Ага, вот и вы... Как долетели?

– С приключениями... Но... Нормально!

– Во-от... Наш подход к делу... Нас не прошибёшь! Интеллигенции бы этому поучиться... Где министр пропаганды?..

Встал человек.

– ...Чтобы завтра же во всех СМИ прошла информация об этом инциденте с невозможностью из-за кризисного состояния всей их экономики... или всех их экономик – как правильно сказать?.. вылета нашего министра иностранных дел. – И проникновенно обращаясь теперь ко всем: – Вы только вдумайтесь, товарищи! Не кого-нибудь, не туристов каких-нибудь никчёмных, а самого министра иностранных дел огромного, великого государства!.. – Снова обращаясь лично к минпропу: – Повторяю: завтра же во всех СМИ.

Минпроп стоя отметил у себя в блокнотике. Кивнул головой. Сел.

– Итак... Министр иностранных дел, я хочу... Мы все хотим!.. чтобы на встрече инопланетян присутствовал наш представитель... Посол, я думаю... Это будет нормально? – Все согласно покивали. – Обяжите нашего посла в США попасть на эту встречу.

Дипломат привычно завилчал, опасаясь огорошивать сразу:

– Вряд ли...

– Это почему?!

Коллективный вопрос-недоумение прозвучал хоть и вразнобой, но хорошо угадываемым отрепетированным хором, умело сыгравшим искреннее возмущение, хотя все именно такого ответа ждали, и все знали про себя самих и друг про друга, что все такого ответа и ждут. Однако же:

– Как это так?!

Мининодел заговорил в повествовательном безэмоциональном ключе:

– Всем хорошо известен выбранный нашими западными партнёрами бесперспективный и неконструктивный курс на конфронтацию с Россией по любому поводу. Вот и теперь, получив информацию из неофициальных источников о некоем общечеловеческом мероприятии, которое должно вот-вот состояться и будет иметь значение для всех жителей планеты Земля, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания, и которое волею обстоятельств будет происходить на территории США, мы попытались аккредитовать на это мероприятие нашего официального представителя. Однако получили отказ.

И снова нужная реакция зала, в которой присутствующие соперничали в температуре возмущения:

– На каком основании?!

Мининодел ответил коротко, как никогда в своей практике:

– Дикари вы, говорят... Мы, то есть... Опасные дикари! С непредсказуемым поведением. Мало ли что вам... в смысле, нам... в голову взбрѣдет. От греха подальше, говорят...

– Кто? Кто говорит-то?! – опять разноголосый, но единый возмущѣнный хор.

– А все. Все, кто что-то решает на международной арене... Все вам известные персонажи, продвигающие новый старый тренд, отодвигающий... вернее, имеющий целью задвинуть Россию на задворки исторических процессов.

Президент посуровел:

– Доложите в подробностях.

Министр иностранных дел удивлѣнно посмотрел на шефа и показательно обвѣл глазами зал – мол, при всех?

– Да, – утвердил президент наглядный урок патриотического воспитания. – При всех!

Те, кто ждал, что мининодел покажет сейчас мимикой согласие «Хозяин – барин», не дождались от него этого – тот, продолжая оставаться бесстрастным, только заговорил по-человечески:

– Репортѣры что-то разнюхали – вы же знаете тамошних репортѣров, от них ничего скрыть невозможно, они неуправляемые! – так вот, они что-то такое из своих источников в правительстве узнали, ну и выдали эту информацию в СМИ... В виде версий различных, конечно! Но это так, для прикрытия, типа рассуждений. Имитация... Основная версия была самой сенсационной – бомба! – инопланетяне! И вроде привыкли уже люди к эдаким «сенсациям», но тут словно с цепи сорвались!.. А может рассекреченные документы плюс грамотная подача материала... Короче, народ взбеленился: шествия, демонстрации, митинги в общей тональности «Не дадим общечеловеческое событие засекретить! Это дело всех, а не только правительства, решающего свои частные задачи!» – как будто там такое можно скрыть! Представителю Белого дома пришлось выступать с официальным заявлением... Он

ничего конкретного не говорил, успокоить только пытался, мол, никто не останется обойдённым, дескать, все примут участие и свою маленькую часть сенсационного события получат.

Министр замолчал, нарочито медленно налил себе минеральной воды и поднес стакан ко рту. Пока он пил, нетерпение присутствующих заседателей достигло, вероятно, такого же пика, как и у граждан заокеанской страны, требовавших справедливости в получении информации.

– Ну... Дальше, дальше! Продолжайте!!!

Докладчик удовлетворился всеобщим интересом и продолжил:

– Вы же знаете Америку... Это ж сброд! Кого и каких там только нет – разве что инопланетян не хватает... Да и то – теперь не факт!.. Так вот... Было объявлено, что по причине международного характера события у Госдепа состоится оглашение программы предстоящей встречи. Там же, дескать, озвучат и список приглашённых.

Снова пауза. Ответное нетерпение.

Безупречно одетый и выглядящий, несмотря на усталость бессонной ночи, министр иностранных дел в волнении поправил несуществующий дефект на узле галстука.

– Там, у Госдепа, был и наш посол... – Глоток воды. – ...Там было не пробиться! Народищу собралось! Вавилонское столпотворение... Буквально! Все отовсюду!.. Но пролез, надо отдать ему должное... А толку?! Ну озвучили... Все, как и предполагалось, свои... Даже союзников не позвали... Мест, дескать, нет. А наприглашали-то!.. Господи! Нобелевских лауреатов – вы же знаете, там большинство американцев как раз... Учёных-то ладно ещё... Это как-то объяснимо. Но поэтов каких-то, писателей, художников, композиторов... Цвет Земной цивилизации, вроде как... А официальных представителей государств прокатили! Наш-то и так, и эдак... Фрак посольский в рукавах порвал... Так и стоял, вернее подпрыгивал, протокольным цилиндром помятым махал, чтоб на него внимание обратили, вдруг в суете просто забыли – рваными подмышками отсвечивал... А что было делать? Подсказать-то некому, что престиж державы, мол, роняешь... Но те – ноль внимания! Как будто нет нас совсем.

Снова глоток воды. Но теперь уже никто больше министра не торопил. Зал заседаний наполнился негодованием, в котором тонули всякие слова. И только минкульту удалось про бурлить:

– Вот ведь ур-ро-оды!

И снова – тишина. Подняла руку вообще молчавшая до сих пор разведка. Ей дали слово.

– Не надо излишне нервничать. Инопланетяне высадутся в Америке только потому, что там находится штаб-квартира ООН. Все там будем...

Облегчение. Отдувание. Улыбки. Расстёгнутые пиджаки и расслабленные галстуки.

– ...Но встречать их будет действительно один только американский президент.

Снова напряжение. Пот, суженные глаза. И закономерный взрыв. Причём теперь в единомысленном хоре возмущений их адресность была различной – вплоть до политически и нравственно несовершенных инопланетян, поверхностно судивших о Земной действительности. Выражений не выбирали – чего стесняться-то, можно и выругаться в патриотической ревности – это оправданно, тем более, когда каждый отдельный голос уловить практически невозможно. Вскрикивали с мест, размахивали руками, грозили кулаком, топали ногами, дёргали стулья... Шумели, в общем, глядя на демонстративно спокойного, но не прерывавшего их раж, президента.

Испугавшийся произведённого им самим эффекта министр иностранных дел – настоящий карьерный дипломат, не привыкший к такому способу обсуждения важных дел – мягко и даже неуверенно подал голос, который, несмотря на свою негромкую нерешительность

и опаску (а ну как голову оторвут!), прозвучал в общем хоре возмущений кричащим диссонансом, который невозможно было не услышать:

– Мне кажется, господа... товарищи, что не надо горячиться... Это же обычная международная практика: гостей на территории государства приветствует официальное лицо этого государства. От значительности гостей зависит статус встречающего. Инопланетных братьев по разуму вполне оправданно будет встречать глава государства, на территории которого – так сложилось исторически – расположена штаб-квартира главной международной организации. Нет повода для столь жарких эмоций, мне кажется... Чистый протокол.

Пока миногодел это говорил, постепенно стихала патриотическая единоголосица, предназначенная, в первую очередь, для главных ушей. А реплику свою миротворческую министр закончил уже в звенящей тишине в антураже уставленных на него и в стол растерянных взглядов. Как только был сказан последний слог слова «про-то-кол», головы всех присутствующих (и голова миногодела тоже) стали медленно, с осторожностью поворачиваться в сторону главной головы, которая и должна была явить высокопоставленным подчинённым их самостоятельную и единодушную реакцию на неоднозначность дипломатической казуистики.

– А как насчёт телетрансляции исторического всечеловеческого события в прямом эфире? – с тенью недоверчивого подозрения и ехидства спросил президент, заставляя не угадавших продолжения министров уважать и бояться его ещё больше.

Поскольку словесная форма обращения была безличной, то каждый рефлекторно попытался определить направление главного взгляда, дабы выявить ответчика и позлорадствовать в случае его растерянности. Однако главные глаза смотрели вниз – на лежащие перед ним листочки с заготовленными тезисами. Ищущие взгляды невольно сползли по главному лицу с глаз на рот, сжатый в две заранее злые нитки губ. В почти физическое ощущение собственного ничтожества подчинённых ввергало выражение эпохально озабоченного и строгого лица: «Всё сам... Всё – сам! Ну что вы за люди!!!»

Однако отобранный по скорости реакции и натренированный подковёрными интригами коллективный разум кабинета министров уже отработывал мелодраматическую сострадательную роль к представителям агитпропа: в чём ребята виноваты, если первое, что втекает в умы в патриотическом ключе из внешнеполитических обстоятельств – это игнорирование оскорбительной новости и отсутствие реакции на неё. Ерунда – мелочь, дескать...

А тут вона как! Трансляция... Прямой эфир... Поди угадай, какие такие мысли главный мозг ворочает!

И глаза заседателей стали ритмично, как у зрителей пинг-понга: шарик налево – шарик направо, перепрыгивать с одного на другого руководителей двух государственных телеканалов.

Шарик... Да что там – мяч даже!.. в нужную секунду оказался под рукой директора второго канала, который восторженным отбоем сразу же закрутил его в сторону президента:

– Никаких проблем! Мы хоть сейчас готовы осуществлять транс... ре-трансляцию сигнала с синхронным комментарием. Мы же уверены, что кабинет министров потом отдельным своим постановлением покроет наши расходы, связанные с оплатой получения сигнала через спутник...

Директор второго канала оптимистично – с пионерским задором! – улыбался и вертел головой, выразившей счастье от предусмотрительности и расторопности заключённого в ней мозга.

Поднялся со стула и руководитель первого канала и стал энергично даже не кивать, а почти трясти головой, утверждая, что, дескать, «И мы тоже хотим! Мы тоже готовы! Только денег дайте».

Но президент хоть и расслабил-приоткрыл рот, однако напряг-сузил глаза:

– А почему о ре-трансляции идёт речь? Мы что, не можем собственную съёмочную группу аккредитовать?!

Задорное рвение теленачальственных лиц угасло на глазах. Очевидно, заранее аккредитацию они не предвидели. А должны бы! Это их обязанность – предвидеть события, предугадывать новости. И даже подавать их с опережением самих новостей. В будущем времени, а не в прошлом и настоящем, как это принято в отсталых в информационном плане странах.

– Вот всегда у вас так, – с привычным показательным разочарованием вздохнул президент. – Привыкли, понима-ашь, на всём готовом... На халяву! Кто-то другой должен продумать, спланировать за вас, сделать всё... А вы только: «Денег дайте!» Нет бы сами! Нет у вас репортёрской жилки... Чутья нет... Профессионализма – ноль!

Вставшую в полный рост тишину отодвигаемым стулом испугал министр пропаганды – единственный, к чьему, отличному от своего, мнению прислушивался президент, понимая, что в вопросах создания нужного образа – мифа, легенды – и формирования нужного общественного мнения – а это главный вопрос, ибо вопрос власти! – тот понимает больше. Однако возражения всегда допускались только при общении тет-а-тет... И теперь вдруг публично? Все в интересе настроили уши на приём мельчайших деталей.

– Аккредитацию, безусловно, надо потребовать, – по общему единому обыкновению живо согласился минпроп... Но только чтобы сразу возразить: – Однако если и откажут под надуманным предлогом опоздания с заявкой – не беда. Картинка у всех съёмочных групп будет примерно одинаковая. Всё дело – в словах! А закадровый текст мы дадим свой.

Президент улыбнулся, не в силах скрыть удовлетворение. Заулыбались и все остальные. Но тут же напряглись под ставшим демонстративно серьёзным главным взглядом:

– Но заявку на аккредитацию подать немедленно! Пусть знают, что мы держим руку на пульсе.

Министры и все прочие приглашённые согласно – ещё бы?! Такая проницательность! – закивали...

Профессор не кивал. Он просто стоял с поднятой головой и брезгливо смотрел в один из верхних углов зала. «Господи, о величии они говорят... А у самих плесень в углу завелась... Кабинет министров называется... Постыдились бы! Хотя... Это даже символично! Боже, да она расти начинает прямо на глазах! Это ж надо так всё – даже себя! – запустить... Заплесневеть!»

Глава II

Упоение триумфом

Расшифровав полученную из космоса информацию (кто получил? как расшифровал? – Top secret!) о том, что Америка выбрана местом встречи с инопланетным разумом, торжествовали штатники недолго. Они, подобно токующим глухарям, громко поупивались собственной исключительностью, распаяя самих себя и раздражая весь остальной мир, но быстро опомнились под влиянием своего циничного профессионализма и озаботились: «Где конкретно встречать-то?» Иначе говоря: «Куда гостей принимать?»

Мыс Канаверал во Флориде, хоть и возникал в любом сознании в ассоциации с космосом, но сразу же отметался как прямо противоположный по смыслу: туда не садились – оттуда взлетали... Да и не в космос, в общем-то, если смотреть на вещи глазами (или что у них там для этого есть?) пришельцев... При мысленной оценке флоридского космодрома, забитого топливными бочками, и инопланетян, прибывающих чёрт знает откуда явно не на керосиновой тяге, у любого человека (даже американца!) невольно на лице рождалась пренебрежительная по отношению к самому себе, самоуничижительная гримаса по типу: «Да так... Болтаемся уже полвека вокруг своего шарика... Ну слетали на Луну-соседку... И что толку?»

Это были те же восторженно подобострастные предвкушения, какими наполняется душа дикаря, уверенного в скорой встрече с намоленным божеством с тотема.

Сразу после отвергнутого космодрома представлялась столица – Вашингтон. Конгресс, Белый дом... Лужайка у Белого дома... Хватит её для посадки-то? Вряд ли...

Тогда и заполнявший следом всё сознание своим масштабом Нью-Йорк приходилось отвергать как неприспособленный, несмотря на большой аэропорт им. Кеннеди и место расположения ООН.

Ну и куда тогда? Привычно, как когда-то Шаттл, на авиабазу? Провокативно... Опасно! Как они, инопланетяне, расценят то, что их к воякам загоняют? В лучшем случае могут подумать о недоверии... И это при их-то развитости и гуманизме! А в худшем? Даже подумать страшно – шарахнут чем-нибудь от обиды, что у них там в арсенале есть... Мало не покажется!

Нет! Надо в пустыню... В Неваду...

Точно! Пустыня – в высшей степени нейтральная вещь... Площадь огромная – приземляйся хоть на чём, даже с ядерным двигателем. Угроз никаких. Хотя...

Могли бы, конечно, и сообщить, что у них там за топливо! Им-то, может, ядерная накачка и безвредна... Ха-ха, как земным клопам... Но для человека она смертельно опасна! А что это значит?

А то, что зрителей нельзя будет собрать – вселенское шоу устроить!

Ведь как было бы хорошо: сделать ударный promotion, для которого особых маркетинговых изысков и не понадобилось бы – одна только информационная атака на мозги обывателей; продажа билетов на смотровую площадку – в пустыне она везде! Из Лас-Вегаса – города разгульного – народ бы попёр, там праздной денежной публики тьма...

Впрочем, это всё равно мелочь по сравнению с прибылью от продажи прав на теле трансляцию... Будут, конечно, возмущаться, мол, событие общепланетного масштаба, какое имеете право монополизировать, то да сё... Можно легко возразить, что нет в США закона, отменяющего бизнес-права правообладателя... А специально под событие, каким бы оно ни было, принимать законы у нас не принято – демократия не позволяет. Да и всё равно процедуру в срок не уложить... А президент!.. А что президент? У него нет таких прав! Огра-

ничены конституцией... А конституция – это святое! Круг замыкается – придётся платить, ребята, не будем же мы из-за ваших капризов законы США отменять...

А каков пропагандистский, психологический фактор! Подумать только! Американский президент вместе с согражданами и друзьями нации встречает инопланетных братьев по разуму! Утрите сопли, остальные убогие земляне, и завидуйте без злости и истерик... Впрочем, можете и со злостью... И даже с ненавистью – нам не привыкать! Но не перебарщивайте и сидите у себя внутри границ смиренно, иначе авианосец подгоним.

Oh God! Какой триумф!

Не-ет, зрители в пустыне нужны, всё-таки... Должны же пришельцы соображать, что тут можно, что нельзя... Поинтересовались, поди, как нашего Земного homo sapiens обезопасить...

Но счётчиками радиации запастись надо! На всякий случай... И санитарных экспертов – разных! – собрать побольше со всем их арсеналом.

Итак, за работу, американцы! Мы снова – как всегда! – в авангарде человечества. Для начала заложить максимальную рентабельность в событие, подбить бабки (буквально!) – kash и рассчитать тарифы для своих зевак и прочих теле- и интернет-землян.

Затем... Нужна программа пребывания гостей на Земле. Н-да... На Земле... На американской земле! Вот приоритет! Поэтому сначала перелёт из Невады в Вашингтон – Белый дом, Конгресс, а уж потом перелёт или поездка в Нью-Йорк – ООН.

Кстати о перелётах... Надо бы их на Борт №1 посадить! Пусть на нём, а не на своих «тарелках» по стране перемещаются. Здесь пространство не бесконечное – здесь пространство заканчивается сразу за границами США... И время там останавливается! Так что обычный самолёт... впрочем, не совсем обычный – президентский!.. в самый раз.

Если, конечно, откажутся (из соображений излишней деликатности – мало ли), то хорошо бы нашего – бесстрашного! – президента к ним в «тарелку» посадить, продемонстрировав тем самым высшую степень доверия и подняв рейтинг всей Америки в глазах остальных ущербных землян ещё выше.

Так... Сразу встаёт вопрос о способе общения – переводчиков-то с инопланетного ещё пока нет. Н-да...

Стоп! Это у нас нет... А у них – высокоразвитой цивилизации – наверняка есть... Должны быть! Придётся понадеяться... Сначала, по крайней мере... А там дальше и у самих способ найдётся – Америка тоже высокоразвитая цивилизация! Что мы с какими-то пришельцами объясниться не сможем? Сможем, конечно... Потому как после презентации межпланетных гостей в ООН (будь она неладна, эта презентация – надо же было этим залётным на всю Землю раззвонить о своём визите – э-эх!) должна состояться в обязательном порядке встреча инопланетян с научно-техническим светом Соединённых Штатов. Закрытая для посторонних встреча! И результатом её должен стать такой мощный скачок-отрыв США от конкурентов в технологической и военной сферах, что Америка навсегда станет недостижимой для них, обязанных упасть на колени перед образом Бога в его американском воплощении на Земле.

Глава III

Единство наций

Генеральная ассамблея ООН собралась в полном составе представителей двух сотен государств – больные выздоровели, отпускники устали отдыхать, миротворцы везде сотворили мир, враждующие стороны перемирились – полный зал, первый раз за всё время существования организации, даже в проходах кое-где пришлось стулья ставить, такими большими в действительности оказались некоторые делегации. Повод того стоил – инопланетяне! Все прежние планетарные обиды и разногласия, интриги, союзы и альянсы стали вдруг казаться мелкими и недостойными мыслящих существ. И хотя экстренное заседание Генассамблеи было назначено на определённое время, все собрались много загодя. Собрались, расселись и стали ждать... Чего? Информации, для начала.

К высокому собранию вышел заместитель Генерального секретаря ООН и, дождавшись пока естественное оживление утихнет, объявил, что сегодня он – главный. Сам генсек отбыл в пустыню Невада для участия в церемонии встречи инопланетной делегации.

Сразу после этих слов по залу прошла волна возмущения, сквозь гул которой легко угадывалось недовольство большинства представителей, что их не то что не взяли в пустыню, а даже и не проинформировали. Общая тональность была такой: «Мы что, не люди, что ли?! Мы тоже хотим!»

На это руководитель американской делегации, получивший слово для ответа, заметил, что Невада хоть и пустыня, но она не резиновая – на все нации не растягивается...

Оправдание сочли отговоркой, однако же приняли большинством голосов, когда председательствующий замгенсек добавил, что в зале настроена прямая трансляция с места событий, и все всё увидят.

Как только зал снова утих после голосования, из динамиков зазвучала, нагнетая позитивную торжественность, «Ода к радости» Бетховена, и засветились все – большие и малые – экраны.

Шла панорама. Зрители на трибунах, смонтированных буквой «С»... Понятно стало, что логически замыкать трибуны буквой «О» вокруг предполагаемого места посадки не стали из осторожности, дабы не провоцировать инопланетян на агрессию – вдруг подумают, что их окружили для уничтожения.

Фон – пустыня. Режиссёр вывел крупный план места посадки. Камера поднимает объектив в небо, прямо на солнце, мгновенно ослепившее даже с экранов. Но тут же оно превращается в безболезненно светящийся на чёрном фоне диск. Затем камера торжественно и художественно (оператор – умница, сумел придать нужного пафоса моменту, в составе российской делегации даже помрачнели от зависти к чужому профессионализму) начала движение вниз и остановилась, только когда экраны снова заполнились сфокусированным пятаком стерильного белого песка. Снизу экранов от него начиналась ковровая дорожка, по каким любят ходить голливудские звёзды, официальные лица и олимпийские чемпионы. Цвет дорожки стал предметом целой дискуссии у организаторов предстоящей церемонии. В итоге был выбран нейтральный серый цвет.

Но пока дорожка смотрелась на экранах так, как будто она там, у пятака, не начиналась, а заканчивалась – ничего не происходило. Показывать было нечего, и оператор повторил свой приём несколько раз, словно бы репетировал. Надоел. Стали раздаваться хорошо слышимые смешки из рядов наиболее озлобленных скептиков, будто бы опять вспомнилось и возымело значение забытое на некоторое время соперничество наций.

В конце концов, от представителя Северной Кореи поступило предложение, что «уж все собрались, обсудить вопрос поставок продовольствия в обмен на отказ от национальной ядерной программы», а то ведь... Смотрите, мол! Особенно японцы...

Председательствующий в зародыше пресёк скандал, не дав тому даже начаться. Подскочивший было от возмущения представитель Японии, впрочем, на место не сел, а сразу пошёл к американцам поделиться беспокойством и попросить дополнительных гарантий в виде противоракет.

Инцидент внёс некоторое оживление в засыпающий зал, и все снова стали смотреть на экраны, отложив междусобойные разговоры и «морские бои» или что там из национальных заседательных игр есть у каждой делегации.

На экранах тем временем транслировались уже растерянные лица встречающих – встречать-то некого было. Они, лица, пытались казаться оптимистичными и даже радостными, вроде как, в предвкушении и от причастности, но актёрствовали неважно. Оператор – настоящий профессионал службы новостей! – особенно укрупнил лицо президента США, политической партии которого сам не симпатизировал, наверное. Была одна попытка дать крупный план и генсека ООН, сидящего рядом, но азиатские узкие глаза того умело прятали недоумение (а может и радость от несостоявшегося беспокойства! – кто знает?) между век.

Просидела так Генассамблея несколько часов. Делегаты начали отлучаться из зала – сначала вежливо извиняясь, потом запросто – на ланч, перекур, в туалет...

Начались хождения и по залу. Заседание превращалось в бесцельную тусовку. Как вдруг...

– Смотрите! – безмикровфонный, но громкий в своей естественности, а потому особенно примечательный, возглас заставил всех повернуться на крик.

Человек указывал вверх и, несмотря на свой протокольный строгий гражданский костюм, поднятой рукой напоминал одновременно сенатора Древнего Рима в призыве к здравомыслию, краснокожего американского индейца в призыве к согласию и германского нациста в приветствии. Были, конечно, и другие ассоциации с менее известными в мировом масштабе персонажами – у кого как...

На потолке в центре зала прямо на глазах выросло пятно, как будто крыша под ливнем протекла, и сейчас в зал сверху должна хлынуть вода.

Однако вода не то что не лилась, но даже и не капала. И вообще, присмотревшись, все начинали понимать, что дело не в воде: «Что за чёрт?! Где приходится работать!»

Почему так быстро разрастается? Вдруг это какая-то очередная неизличимая зараза? А если это террористический акт?!

Причём многие стали сразу же отдавать себе отчёт в том, что последняя мысль оказалась на самом деле последней – все смотрели на пятно так заворожено, словно не смотреть на него было выше их сил. Тягу эту и интересом-то назвать было сложно – все просто смотрели, повинувшись общему... то ли порыву, то ли призыву, и всё. Мыслей в головах просто не было. Вернее, они словно бы исчезли разом. Как будто через взгляд ушли в пространство зала, всосались и растворились в пятне плесени на потолке.

А плесени ли?..

Откуда? Техническое и санитарное состояние здания безупречно.

Удивительно, но следом внимание всех опять было привлечено трансляцией из пустыни. Там началось сворачивание несостоявшегося мероприятия. Разочарование извещённых об этом зрителей быстро перешло в негодование – деньги-то уплачены! За что? Где обещанное зрелище? Где «зелёные человечки»?!

Гул толпы, начавшей спускаться с трибун, основной нотой имел ноту недовольства, которая стала заглушать все остальные звуки, сложенные в композиционно-торжественную последовательность, исполняемую поднятым по тревоге во всеоружии и привезённым

в пустыню главным симфоническим оркестром США. Наконец и тот, будто бы не выдержав унижения бессмысленностью своего здешнего выступления, тоже умолк – трубно сдулся.

Камера последний раз показала президента и, невыключенная ещё, зашатала его по экрану, заподкидывала и, в конце концов, потушила. The end.

И сразу же на экранах в зале генассамблеи стала демонстрироваться картинка о происходящем в зале же, словно издевательски предлагала посмотреть на самих себя со стороны. Но пятно на потолке вытеснило все другие микросюжеты, став одним большим статичным действием постановки. Его показывали так крупно, что теперь, наконец, его можно было рассмотреть, не напрягаясь, без использования театральной оптики, имевшейся у некоторых заседателей-эстетов, не желавших зависеть от капризов внутренней трансляции.

– Плесень! – разноязыко зашелестело-загудело-зарычало в зависимости от фонетических особенностей языков в разных углах зала.

– Oh God! Только этого не хватало... Да ещё в прямом эфире... Что за день сегодня!

Это было проговорено себе под нос председательствующим на заседании. В сердцах сказано на привычном и понятном всем английском языке в микрофон, который он, конечно же, забыл отключить, будучи в растерянном расстройстве, как поняли многие.

То ли расчувствовавшись от недипломатического откровения замгенсека, то ли расценив эту реплику как театральность, некоторые заседатели даже похлопали в ладоши. Но скорей всего, аплодисменты – вежливые, негромкие, с ленцой аристократизма – были обозначены как проявление энтузиазма от того, что стало происходить хоть что-то после многочасового беспредметного ожидания. Как следствие этого откровения души на лицах появились даже одобрительные и ободрительные улыбки.

Но тут мирно гудящую тишину взорвал многократно усиленный динамиками пренебрежительный возглас:

– Да ладно вам!

Все вздрогнули и задёргались, не понимая сразу, кто так осмелился заговорить в столь рафинированном мировом собрании. Несколько человек, впрочем, сумели быстро зрительно выхватить источник высокомерия и уже стояли, указывая руками и пальцами в направлении того, кто продолжал так же злобно, как и начал:

– Тоже мне пострадавший! Было бы из-за чего истерить... Подумаешь – плесень на потолке... Вот у нас расстройство так расстройство! Инопланетяне эти чёртовы! Где их носит? Заблудились, что ли?

И добавил совсем уж непротокольно:

– Fuck them...

Никто не мог поверить своим ушам – высший дипломатический форум на планете! Эталон этикета и сдержанности, консерватизма и толерантности... А тут!

Однако наиболее ближние к хаму быстро меняли природу своего недоумения с безусловного негодования на весёлое удивление, видя выражение лица возмутителя спокойствия, которое было тоже недоумённым, словно само себе удивлялось.

Проговорив эдакую неучтивость, хам с таким растерянным видом оглядывал уставившихся на него дипломатов со всего света, что у тех не осталось никакого сомнения – он не хотел. Само вырвалось!

Перенервничал человек... Было от чего – председателю хамил руководитель американской делегации. Сейчас всё руководство США, весь американский официоз чувствовал себя, как ещё живой карась, увидевший сковородку.

Но секундное понимание и сочувствие сменились гораздо более вытянутым в будущее злорадством даже у давних и постоянных союзников США. Кое-кто и руки откровенно потирал в предвкушении скандально-протокольного унижения мирового гегемона и доминанта.

А северокорейская делегация откровенно смеялась в голос, не в силах произнести ни слова, восторженно ощущая себя наконец-то по-настоящему счастливой в своей единственно верной идее «чучхе».

Предварённый нахальным смешком в динамиках и переведённый как «Ха!» в наушниках раздался призыв руководителя российской делегации к допуску в зал журналистов:

– Почему тут только камеры? Толпа репортёров томится в пресс-центре... Надо их пустить. Пускай посмотрят-послушают и расскажут всё как есть. Триумф свободы слова, а-а? Ха-ха-ха...

Ржать, а не смеяться, начали многие, если не все. Дипломатическое собрание превращалось в балаган – в базарное сборище. При этом каждый из присутствующих думал... Нет! Был уверен... что неприглядно будут выглядеть только его враги и соперники, а сам он – безусловно и в высшей степени достойно.

Однако председатель заседания отнёсся к российскому сарказму совершенно буквально:

– Да! Вы правы! Разумеется! Пусть входят...

И поверг ехидных интриганов этим своим простодушием в изумление. Они-то по своей домашней «византийской» привычке рассчитывали на то, что он, оконфуженный дважды уже за сегодня, борясь за честь мундира всего аппарата ООН, начнёт вилять и изворачиваться, даже запрещать, как это у них самих на родине принято, а этот – ничего себе, принимает всё за «чистую монету», словно бы другими категориями и принципами живёт... Такого и не ухватишь!

– И ещё... – добавил злости в души недоброжелателей замгенсек. – Секретариат, вызовите сюда сейчас же security и хозяйственную службу. Это им придётся отвечать на вопросы о плесени. Завхоза сюда! На брифинг! Пусть объяснит не только всем, но и нам, что за чертовщина у нас на потолке.

– Да нужна репортёрам твоя плесень! Fuck it...

Американец, совершенно избавившийся от растерянности на лице и в жестах, аж подскочил и воздел руки к небу... Впрочем, наверное, всё-таки, к потолку:

– Инопланетяне – вот их интерес! Fuck them...

Завершение сеанса высокомерия требовало ещё и плевка на пол, что вполне бы соответствовало пренебрежительному выражению лица американца и его позе – задранная вверх и в сторону от всех голова, отставленная расслабленно нога и руки в карманах. Нехулиганским, правда, был «прикид» – костюм-галстук, но и он не выбился из стилистики портрета, так как мгновенно представился всем потёртой джинсой, увешанной на бёдрах двумя кольцами.

И тут, не выдержав антидипломатической лексики, взорвался замгенсек и завизжал в ответ неожиданным фальцетом, чем поразил коллег вдвойне – никто никогда не видел его заведённым и тем более не представлял, что у крупного и статусного мужчины бывает не крик, а визг.

– Пре-кра-ти-те-е-е!!! – замгенсек даже кулаком по столу постучал. – Прекратите сейчас же! Не забывайте, где вы находитесь! Иначе мне придётся...

Он затих. Замялся. Сник даже.

– Ну-ну... Что?! – американец с усмешкой взывал к продолжению. – Что придётся?

– Отключить вам микрофон... – проямлил председатель собрания. Затем решительнее: – Лишить вас слова на неде... на месяц! – И совсем уже преодолевая свою отчаянную трусость, выкрикнул – снова взвизгнул: – Удалить вас из зала!

Американец по-ковбойски заржал:

– А-аха-гха-га-га-га! Удалить, говоришь? А-ага-га-га-го-го... Ну удалишь... И что?! Что будет представлять из себя это собрание, fuck it, без Соединённых Штатов Америки? А-а?!

Американец повернулся к залу и ещё раз агрессивно гавкнул:

– What?!

При этом он расставленными в стороны руками, словно бы охватывающими весь зал – всех в нём сидящих, как будто оттолкнулся от воздуха и головой боднул пустоту. Продолжил с пренебрежением:

– Без США здесь будет всего лишь убогое сборище неудачников. Fuck you!

После этого он повернулся к залу спиной и ухнулся в своё кресло, а затем демонстративно наискось положил на стол сначала одну ногу и следом на неё крест-накрест – вторую. Причём когда он укладывал ноги на стол, то задевал на нём что-то металлическое (ключи, что ли?), звякавшее через невыключенный микрофон так решительно железно, как будто это были шпоры.

Пауза. Через пяток секунд:

– Перерыв! – председатель сдался. – Перерыв. Всем покинуть зал для проведения санинспекции вновь образованного пятна на потолке. Расходитесь... Обедать... Курить... Спать... Что хотите... В общем... Все – вон! Во-о-о-он!!! Fuck...

Глава IV

Доступ к телу

Мининодел, владея сенсационной, выгодной для державы, информацией и стремясь первым донести её до главных ушей, чтобы заработать себе плюс в президентской симпатии, спешил в Кремль, прямо как гонец в Древней Греции с хорошей новостью. Не бегом, конечно, а в лимузине, едва сдерживаясь, чтобы не подтолкнуть водителя в спину. «Кря-калка» – крякала, проблесковый маячок – маячил, но всё равно скорость казалась недостаточной.

Подлетев к крыльцу парадного подъезда (президент же из Питера, где все подъезды – парадные), водитель лихо, с визгом осадил машину. Министр с трудом сдержался, чтобы самостоятельно не открыть дверь, но дождался-таки лакейского, протокольно-служебного ухаживания и плавно вышел из лимузина, начал подниматься по ступеням. Водитель, многоопытный, бывалый, отметил про себя, что тот неспроста его гнал – явно торопился и нервничал. Даже поднимается теперь хоть и величественно, но как-то впритруску. Что-то произошло...

Войдя в приёмную, министр понял, что он не чемпион в этой гонке. Не опоздал, но и не выиграл – там сидел уже директор внешней разведки, ответивший на разочарованное приветствие раздражённым кивком.

Оба аппаратчика – и дипломат, и шпион – поняли, что они здесь по одному и тому же поводу. Однако разведчик первенствовал в очереди и сразу сменил гримасу на искреннюю улыбку снисходительного удовлетворения: куда вы, мол, торопитесь со своей вторичностью.

Но и многоликий в одном воплощении секретарь... он же референт, он же делопроизводитель, он же копирайтер, он же переводчик, телохранитель, он же врач широкого профиля, массажист, повар и бармен, парикмахер и визажист, он же чистильщик обуви, костюма и пальто, он же гладильщик платков и шнурков, он же шут, рассказчик сплетен и анекдотов и протчая, протчая, протчая... потому и сидел в этой приёмной, что был ещё и прорицателем-экстрасенсом. И он тоже, глянув на лица визитёров, понял, что дело у них одно. Объявил:

– Вы по одному поводу – вместе зайдёте.

И увидев расстройство теперь шпиона и торжество инодела, добавил, смягчая возросшую за секунду на госслужбе неприязнь и оказавшись, таким образом, ещё и миротворцем:

– У президента назначена встреча на выезде. Переговоры «газ-нефть»... Чересчур опаздывать нельзя, а то цена вдруг упадёт... Сами понимаете...

Отношения разведки и дипкорпуса выровнялись. Оба одновременно уселись ждать. Оба одновременно по приглашению вошли. И зайдя заговорили тоже одновременно.

Какофонию президент терпел недолго. Провёл руками две разнонаправленные горизонтальные линии в воздухе – замолчите, мол. Затем мягко качнул ладонями вниз – садитесь, мол.

Те сели. Нервно ждали следующих жестов или даже слов...

Президента боялись – его непредсказуемости, прежде всего, сродни женской. Прогнозов и предположений о его действиях в той или иной связи всегда выдвигалось масса, но редко кто угадывал. Чаще – никто. Некоторые чересчур отвязанные букмекерские конторы даже объявляли втихаря о приёме ставок на возможные ходы президента. Но то ли потому что мало находилось охотников делать ставки, то ли потому что тайная полиция этот азарт не приветствовала, а дело не пошло. Впрочем, некоторые аналитики – как раз те, кто

иногда что-то угадывал или парадоксально предсказывал – утверждали, что антиигорный закон потому и был принят, чтобы людей от эдакого развлечения отвадить.

Президент своей непредсказуемостью козырял... Хотя те же аналитики говорили, что козырял не он сам по себе, а его пропагандисты и агитаторы тут шум и пыль поднимали, придавая его образу сакральности.

Но и президент, втиснутый в рамки любимого народом – боготворимого даже им! – образа уже сам не мог особо вольничать в поступках. Даже когда надо было сделать что-то уж совсем очевидное (и ему хотелось так сделать!), он вынужден был поступать не так. Куда денешься? Поди откажись от привычного стиля – и ногами вперёд ведь из Кремля вынесут! Придушат, а потом сожгут, зарядят твоим прахом Царь-пушку и выстрелят тобою навстречу ветру. Нет уж, ребята! Пусть всё остаётся, как повелось... Никто не должен знать, что там у него, президента, в голове происходит... Даже он сам! А то чревато ведь!..

Президент несколько раз, туда-сюда, перевёл взгляд с одного на другого, решил довериться случаю, чтоб не провоцировать излишнего деструктивного соперничества между группировками в правительстве, назначил «орла и решку», стрельнул у них монету (не пристало президенту с мелочью ходить!), щелчком подкидывая закрутил её, поймал одной рукой и положил не глядя на другую. Медленно отвёл руку сверху, шипя по-змеиному «а-а-а-а», и кивнул иноделу. Тот расцвёл: есть, всё-таки, в жизни справедливость!

Он даже глаза прикрыл, чтобы не пропустить секундного удовольствия и прочувствовать его до самого пика, и, спрятавшись в себя, пошевелил головой, вытягивая шею из галстучного узла. Успел по натренированной привычке ощутить и, самое главное, понять, что максимум удовольствия получен не от собственного везения, а как раз от невезения соперника, отогнал в следующий миг благодущие и принял, как ему казалось, протокольный, холодно-невозмутимый настрой с соответствующим выражением лица. Открыл глаза.

– Ты чего лыбишься?..

Президент своим вопросом-замечанием его прямо-таки изумил и не то что остудил эмоции – он их заморозил: аж недипломатические мурашки по дипломатической спине пробежали. Это был безусловный конфуз – инодел впервые в своей практике не сумел совладать со своими переживаниями и выставился напоказ таким, каков есть на самом деле.

– ...Докладывай, докладывай! – приободрил президент искусственно дружелюбной интонацией, оставив, тем не менее, вид совершенно небывалого до сих пор нетерпения: «Чего тянешь-то?!»

Министр невольно глянул на сидящего напротив директора разведки. Тот тоже был какой-то... неуловимо не такой... Новый!

– Встреча в пустыне Невада не состоялась!

Проговорив эту информацию, инодел включил свою силу воли на максимум, дабы ни один мускул на лице не выдал его настроения. И всё же услышал обескураживающее:

– А довольный-то какой! – то ли не пытаюсь скрыть одобрения, то ли подтрунивая так над иноделом, а то ли – свят! свят! свят! – и не умея быть неискренним (даже такая шальная мысль успела посетить на мгновение непокорную самой себе министерскую голову!), оценил новость президент и продолжил: – Почему не состоялась?

– Так... Ха... Не прилетел никто! – это по-простому встрял-таки разведчик, будучи не в силах уже (к своему большому удивлению!) сдерживаться. Распирала его новость так, что, казалось, голова может лопнуть. Распирало его, как ребёнка... Вот и выперло!

– А-га, – раздельно агакнул президент в унисон настрою подчинённых и откинулся на спинку трона. – Вот значит как! А-га! А-гха-гха-ха-ха-ха...

Подчинённые тоже захохотали, отмечая при этом для себя, что они ржут не потому что так надо – президент ржёт! – а потому что им обоим действительно радостно. Им было хорошо в эту секунду... Вдвойне хорошо! То есть ещё и оттого, что не надо – в любом случае

не получилось бы! – лицедействовать и играть несуществующую эмоцию или, как положено по работе и рангу, играть отсутствие таковой.

Смех стих так же, как и начался, – искренне.

– Вы чего ржёте-то? – спросил вмиг посерьёзневший президент. – Я это и без вас знаю... Репортаж смотрел. – И, скривив в брезгливости рот, добавил раздельно: – Ре-транс-ляцию так-таки! Сиэнэновскую... – Затем продолжил в прежней тональности: – Я спрашиваю, почему?! Почему никто не прилетел? Жду вашего эксклюзива... Дипломатического, – поворот головы. – И разведывательного, – поворот головы в другую сторону.

И дипломат, и шпион откровенно замялись. Разведчик сориентировался в себе и нашёлся первым: он движениями век и ладоней показал министру всецелое смиренное согласие, мол, жребий так жребий – ты и начинай, и с ехидной улыбкой уставился на инодела в показном ожидании.

Тот из-под бровей кинул взгляд в президента – там тоже было ожидание. Снова потрогал галстук – повытягивал шею... И в момент максимального её выверта, когда лица коллег ушли куда-то вниз и в сторону от обзора, инодел увидел в верхнем углу президентского кабинета как будто пятно... Как будто плесень... Вспомнил об эксклюзиве:

– В здании ООН плесень завелась...

Молчаливая, беззвучная пауза. Впрочем, не совсем беззвучная – шпион от досады (он сам на этот эксклюзив от себя надеялся) так нетерпеливо сопел, что в конце концов выговорил:

– А причём здесь это?!

Президент кивнул тоже в недоумении, только беззлобно:

– Да... Причём?

– А вот причём! – мишинодел вскинул руку вверх, указывая.

Две головы мгновенно повернулись по направлению руки, после чего одна голова, а вместе с ней туловище, две руки, две ноги и всё остальное ей приданное, соскочили со своего трона и с паническим вскриком отпрыгнули в сторону.

– Это теракт!!! Это биологический теракт!

Президент, вмиг ставший презиком в глазах замерших подчинённых, тяжело дышал и тарачил от страха глаза – таким его никогда ещё не видели опешившие теперь разведчик и министр.

– Начальника охраны ко мне! – истерично скомандовал президент. – И врачей!

– Может, санитаров?

Инодел даже сам не понял, как у него вырвалась эта двусмысленность, но что уж делать-то, тем более, что презик неожиданно согласился:

– Да! Санитаров... В смысле, санитарную службу...

Он суетливо, приставными шажками отступал от опасной близости с непонятным пятном на потолке.

– Это заговор!.. Это заговор!.. – продолжал бубнить, будучи явно не в себе, презик после объявления тревоги и взывшей на весь Кремль сирены.

Испуг был такой резкой силы, что скрыть его было невозможно, как ни пытайся... А он и не пытался – он, похоже, о таком и не думал теперь! Президент, судя по нему, был близок к обмороку. Шок напрочь отбил всё его понимание необходимости выглядеть комильфо, принятым большинством населения на подконтрольной территории, которое и слова-то такого иностранного – «комильфо» (вообще-то это два слова по-французски, даже три!) – не знает. Большинство привыкло и хотело видеть его «крутым», когда эта абстрактная «крутизна» граничит с конкретной дикостью... даже с лёгким захлестом на дикость, когда всем становится очевидно, что дикость должна и может быть и «покруче».

Лидера нации трясло в углу так, что у него не только голова вжималась в плечи, но и ноги подгибались, и это заставляло его держаться за стену, чтобы совсем уж не упасть.

Не то что специально смотреть, а и просто случайно видеть (куда деваться? – не с закрытыми же глазами под стол прятаться! – хотя и хотелось...) новое воплощение «опоры и надёжи» государства было противно обоим – и министру, и разведчику. Причём первый, приученный к сдержанности не только высказываний, но и мыслей как первопричины высказываний, думал в этот раз на родном языке, совершенно забыв о границах приличий: «Тво-ю ма-ать!..»

Разведчик же, чья служба – суть антипод всяческих приличий (что и отражалось в повседневных общениях по долгу службы), напротив, именно «высоким штилем» мысленно выражал всю полноту впечатлений от увиденного: «Господи! До каких же низин способен пасть человек в своём животном страхе...»

При этом не только дипломат и шпион, а вообще все придворные знали (хотя и по слухам, но недалеко рождённым – почти необтёсанным и без наростов), что у шефа охрана – одна из самых мощных на планете Земля... Некоторые даже настаивали – кто горделиво, кто наоборот – что и самая мощная!

И вот теперь оба невольных носителя эксклюзива с синхронной брезгливостью одной природы, рождаемой даже не самим новым образом шефа (истинным, как неожиданно стало думаться само собой!), а только лишь представлением его, появившимся в сознании как продолжение уже только что увиденного и услышанного, презрительно решили, что тут и охранять-то нечего...

Аномально низкорослый – карлик почти, теперь ещё и страхом придавленный – кроме комплекса Наполеона, страдающий ещё кучей всяких психопатических недугов как следствий того, что в детстве сверстники-пацаны во дворе били, а в молодости девчонки не любили. Отыгрывающий теперь – на седьмом десятке лет! – своё детство и юность параноик, смотрелся обычно нелепо в своих «юношеских» потугах. Но только что эта нелепость стала страшной. Хотелось бы, чтобы смешной... Однако – страшной! И противной...

Плешивая голова, вытянутое острым психозом итак заострённое к кончику носа лицо, панически открытый рот с капающей с нижней губы слюной-пенной... Тьфу! В какой-то момент, при наиболее сильной спазматической встряске презика, показалось даже, что у того штаны промокли в области паха...

Впрочем, наверное всё-таки, показалось! Очень хотелось, чтобы именно показалось, так как принять это за очевидный факт было очень страшно – отказывался разум, изнасилованный уже привычным медийным образом, любое не то что принижение, а уже просто и отклонение от которого вызывало бессознательный внутренний протест.

И они – главшпион и инодел – машинально старались не видеть паховой области тела президента, который уже, слава богу, совсем почти согнулся и сжался, словно бы инстинктивно пряча от опасности самое дорогое, что у него есть.

Где там эта его охрана ходит?! Трудно даже представить, как он ей-то надоел...

Главшпион, увидев только секундный намёк на осмысленность в глазах презика, молча рукой показал на инодела и себя и следом с вопросительным выражением мотнул головой в сторону двери – мол, пойдём мы...

По виду тот ничего и никак не ответил, но когда шпион встал и ещё раз мотнул головой – теперь иноделу, то возражать не стал. А может, был не способен...

Вышли от президента дипломат и разведчик вместе. Молча! Остановились на крыльце, как только закрылась входная дверь, и стал не виден постовой. Молчали, не зная, что сказать, но интуитивно понимая, что так просто им двоим новую информацию с собой не унести... То есть унести-то можно! Но как потом с этим жить? И главное даже не как, а сколько?! По времени... Сколько лет-месяцев-недель-дней... Или вообще – часов (вероятность наступления

гибельной развязки возрастала по мере перечисления) они проживут с тем «эксклюзивом», которым только что невольно овладели.

И не в инопланетянах теперь дело. Они уже не эксклюзив... Были недавно, но стали только поводом, причиной куда более мощного – воистину сенсационного! – эксклюзива о президенте Великой Державы. Сознание обоих отказывалось в него верить, ибо не знало, как с этим быть.

И потому заговорило-засоветовало подсознание, выдавая самый простой защитный рецепт от стресса – забыть. Как будто ничего не произошло...

Впрочем, если «как будто», то это не забыть! Забыть – это просто «ничего не произошло» безо всякого «как будто», когда чисто в памяти и в мыслях. Э-эх, хорошо бы уметь очищать память от ненужного – страшного!.. И мысли бы уметь очищать... Точно! Если бы уметь очищать мысли, то можно было бы очищать только чужие – всякие ненужные, чтобы свои мысли – любые! – спокойно оставлять и не бояться потом.

А сейчас с «как будто» получается попытка игнорирования произошедшего... Да... Всё верно... Только ни хрена оно не получается!

Попробуйте президента проигнорировать! Он же... (нецензурное слово – даже подумать его страшно – как раз к мыслям о мыслях!) везде лезет... Точнее на себя абсолютно всё замкнул! Без его приказа ни ракеты не летят, ни дети не рождаются, ни свет не горит, ни вода не течёт... Он – везде! Отец родной... Синоним Родины!

Вот вам и «не было ничего»... «Как будто»!..

Было! Ещё как... А вот теперь что будет?! С ними обоими... Подумать не получается – защитная реакция – даже в сон клонит.

Лимузины уже стояли у входа с приветливо распахнутыми задними дверями и дежурившими рядом навтыяжку вышколенными водителями.

Не до них! Пусть ждут... Надо мысли упорядочить – прекратить их пляску...

Впрочем, это легче сделать в машине... В машинах – в двух... То есть порознь. Но расставаться так просто было страшно обоим, ибо каждый боялся каждого – его мыслей (опять же!) и, не дай бог, как следствие, могущих навредить поступков.

И то верно! А ну как начнёт собрат по несчастью обладания эксклюзивом горячку пороть... Он ведь не только себя – он и меня погубит! Или наоборот – молчать будет, а я где-то как-то что-то... Неосторожно, в общем... По обстоятельствам... Так этот потом ещё и подтолкнёт! В пропасть-то... Мол, вот оно истинное лицо его... В смысле, моё... Мол, видите, какой он... В смысле, я...

Но и раскрываться друг другу в этих своих одинаковых соображениях инодел и шпион никак не могли решиться, хотя и понимали, что придётся. Так и топтались на ступеньках, пытаясь не встретиться глазами.

Разведчик, наконец, по переполнявшему его психологическому преимуществу первенства в этой жизни, решился и стал демонстративно («Должен же понять!») разглядывать министра иностранных дел.

И неожиданно для себя разведчик понял, что хоть и работают они по одной линии уже несколько лет, что называется, бок о бок... даже – локоть к локтю – так точнее, строже, словно в строю... но толком инодела он никогда не видел – служебной необходимости не было. Фигурировал он только в оперативках под безликим кодовым именем «Стряпчий».

И вот теперь совсем другой повод... Другой, так сказать, контекст...

Безукоризненность внешности министра была вполне органичной – никакой нарочитости. Он с этим вырос – это в крови. Но! Даже несмотря на то, что родился и поднимался он там, за границей, где и состряпал себе карьеру – министерскую должность, несмотря на врождённый лоск, переезд на ПМЖ на родину даром не прошёл – выражение лица у него стало совсем уже здешнее. Не то чтобы очень лживое, а оно у всех дипломатов такое – лжи-

вость у них не детская, не краснеющая, а гордая и спокойная в своём профессионализме. Не в этом дело... Дело в выражении глаз при неисполнении служебных обязанностей – когда он предоставлен самому себе. Хочется соврать по привычке, а не выходит – сам же ведь правду и знает. Отсюда и растерянность от такой двойственности.

«Что, инодел, топчешься? Сам себя обмануть пытаешься? Инодел, инодел... Действительно инодел! Только не всегда это «ино»получается... Это потому что служба у тебя не конкретная... То ли дело у нас в конторе! Вот я...»

«...Вот ты, – думал про коллегу инодел, так и не поднимая глаз на него, но почувствовав уже, что тот на что-то решился. – Стоишь весь такой... Такой... Спецслужба, одним словом! Основная, вроде как... И все мои легальные сотрудники – и твои тоже, только не легальные. Секретные! Они и сами засекречены и секреты знают... А ты и их всех знаешь и всё то общее, что из каждого в отдельности их знания складывается... Владеешь информацией – владеешь миром! И получается, что я тоже у тебя на службе... Но ведь и ты у меня! А всё высокомерие твоё – полицейского свойства, то есть – псовой породы... Пёс ты! Дворняга! И вид у тебя сторожевой... И лицо... В смысле, морда – во всегдашнем ожидании команды «фас!»».

Рассуждая таким образом, инодел и главшпион словно в явь из сна – из наваждения какого-то! – возвращались. Им становилось... не то чтобы хорошо, а как-то привычно. И потому спокойно.

Поломавшись – недолго, исключительно по дипломатическому этикету – министр шпионский пас принял – вопросительно посмотрел в ответ и кивнул головой.

– Поговорить надо...

– Надо, – согласился инодел.

– Едем каждый в своей машине на свою службу. Через час без машин и секретарей встречаемся по такому-то адресу...

– Хорошо вам говорить! Вы – засекречены... А меня каждая собака знает – ежедневно в телевизоре!..

– Не беспокойтесь. Там свидетелей не будет. Это явочная квартира.

Демонстративно, чтобы видели из окон, подали друг другу руки, расселись по лимузинам – каждый в свой, и разъехались... Чтобы встретиться... Тайно!.

Глава V

Чистота – залог здоровья... Душевного!

– Ты бы хоть прибрался у себя тут, Адамыч, в конуре своей! – Петровна, раньше всех пришедшая на работу уборщица, чтоб освежить кабинеты до того, как конторские мешать начнут, проговорила это с привычным раздражением вместо утреннего «здрасьте», следом за прищуренными глазами сморщив в приступе брезгливости нос, застигнутый врасплох освобождённой из-под старого одеяла вонью несвежих носков.

Сторож Адамыч в ответ не злился – всё равно вставать уже надо было – а молча сидел и, пряча удовлетворённую от чужого ворчания улыбку, болтал ногами под топчаном – ботинки нашаривал. Достал. Обул – унял вонь. Затеял новую – воткнул в рот сигарету «Прима». Зажёг её спичкой, навоняв теперь сначала серой, а следом – табачиной.

Петровна, совершенно искренне сокрушаясь и изображая переживание всем своим большим округлым лицом, забыла про первый упрёк и прогудела-проворчала новый:

– О-о-о... Не успел глаза открыть – уже! Ты бы хоть умылся сходил... Есть же вода-то в кране! Только что набирала... Да проветрил бы пока... Конуру-то свою...

Сторож, которому новый упрёк добавил хорошего настроения, поднял теперь довольное лицо на подружку. Та раззадорилась:

– Чё лыбисси-то? О-о-о... Тянет свою соску! На голодный желудок... Совсем о здоровье не думает! Чаю бы хоть попил... Есть чай-то? Заварить? Давай заварю...

Адамыч теперь совсем проснулся и рассмеялся уже совершенно открыто и искренне. Хотя и смехом этот сип-хрип можно было назвать не сразу, а только после того, как в выходящих из него шипящих и булькающих звуках раздались-таки несколько уверенных прерывистых хохотков, раздосадовавших Петровну вконец:

– О-о-ом-м... Смеётся он... Жизнь, что ли, весёлая? Ща начальство придёт – испортит...

Адамыч унялся не сразу, но и дразнил Петровну недолго. Отсмеявшись спросил, будто бы с поздней реакцией отозвался на первое в этой встрече замечание:

– А чего тут прибрать-то? Тут чисто... Я подмёл с вечера.

– У-гу, подмёл, – Петровна тон упреков не меняла. – Вон пылица-то в углу...

Адамыч хорошего настроения не терял – видно, никакие болячки ещё не начали беспокоить. Ответил с усмешкой, выпустив в словах клочками вонючий дым изо рта:

– Вот и прибралась бы! Ты же уборщица... Или как это здесь... Техничка. Ха-ха. А я-то сто-рож – мне по должности не положено.

– Ой-й! Молчал бы, старый... По до-олжности... Не поло-ожено... Должность у него...

Петровна беззлобно ворчала и по врождённой в женщин хозяйской привычке представляла на столе посуду, не дававшую ей покоя своей... не то чтобы нечистотой, а, скорее, замызганностью от вросшей давно уже в чайник и чашку заварки – Адамыч не имел привычки брать с собой на смену первые-вторые блюда, а пробивался на дежурствах бутербродами с чаем. Кофе он не любил. Не имел привычки. А на всякий случай кексов и печенья у него всегда были одноразовые пластиковые тарелки.

– Куда их? – стоя с ними, сложенными в стопку еще на пластиковом заводе, подняла она голову на полки над столом. – Господи, Адамыч! Да ты тут совсем грязью зарос... Гляди вон...

Она кивнула головой устремившему взгляд Адамычу на угол справа вверху от окна.

– Плесень уже завелась! Прибирается он... Ох, мужики... Толку от вас в доме!..

Совсем уж свинтусом Адамыч не был – так только, в понимании женщин, да и то надуманном – они этим свою прерогативу чистоплотности охраняли, а потому увидев совершенно искренне изумился:

– Во! Откуда это? На прошлой смене не было... И сменщик ничего не сказал...

– Сме-енщик... Ничего не сказа-ал... Такой же, как и ты... Непутёвый!

– Ладно бухтеть тебе! – Адамыч показал мужскую строгость – острastку почти, хотя тоже беззлобную. – Дай лучше ключ от своей кондейки...

– Зачем это?

– Стремянку взять...

– На стол бы встал! Стремя-анку ему...

– Куда, на стол ногами! – осерчал Адамыч, впрочем, совсем не напугав Петровну. – Мы едим за столом! А ты – ногами... У меня носки грязные... И тряпку мне найди!

– Тря-апку ему найди... Мужики! Привыкли командовать... На! И тряпку там возьми... Только фланелевую не бери! Она новая ещё... Похуже что-нибудь выбери...

– Ага, буду я там в твоих тряпках рыться...

Это он проворчал (они оба уже ворчали, озабоченные вновь возникшим делом), когда выходил из своей «конуры» в коридор.

Минут пять Петровна удивлённо вполголоса посокрушалась, глядя на растущее пятно плесени, списывая его появление на общую мужскую неаккуратность. Душой она порывалась что-то сделать, но разум, воспитанный на народной деликатности, обязывал дожидаться хозяина и не самоуправничать.

«А то подумает ещё чего-нибудь...» – вторила воспитанию бессмысленная, как оказалось в подходящей к итогу одинокой жизни, женская гордость.

С пыхтением и бряканьем лестницей – из двух он, конечно же, взял самую большую и тяжёлую – в дверь «конуры» втискивался Адамыч.

– Да подожди ты, леший! Я выйду... Тесно тут у тебя...

Адамыч дал задний ход.

– Давай, не задерживай.

– Тряпку-то взял? Намочи сначала... Потом уж лезь...

– Иди уже! Без тебя знаю.

Петровне и впрямь надо было идти – приближалось начало рабочего дня и требовалось освежить с утра все помещения сотрудников.

Место, где они работали, называлось ВЦИСПОМ – Всероссийский центр исследования и создания общественного мнения.

Из приведённой расшифровки выпала буква «П»...

Нет, она не пропала! Хотя и могла бы нахально называть общественное мнение пропащим – на это всегда у любого, скажем так, скептика найдётся сто причин... Так же, как и саркастически называть его «правдивым» – обязательно в кавычках! Но тут не до юмора – тут серьёзное государственное учреждение, решающее важную задачу, поэтому даже если они, скептики, в истерических приступах своего сарказма называли гибкое и многострадальное общественное мнение потерянным – это их личное дело, не имеющее к госустройству никакого отношения... С них и не такое станется! Они ведь и не скептики, по большому счёту, они – полные нигилисты... Злые и циничные!

Однако буква «П» в аббревиатуре была-таки «блуждающей». И за всё время существования института (сам Центр – по сути, институт, НИИ) расшифровывалась по-разному даже в официальном порядке, в зависимости от текущей, тактической в борьбе за удержание власти, обстановки: политэкономическое, планетарное, популярное, понятное, приятное... Пока, наконец, не устоялась в своём последнем значении – Правильное общественное мнение.

В этом варианте, кстати, буква «П» стала одновременно и наиболее понятной, так как недосказано, но точно – понятно! – обозначала, с чьей точки зрения создаваемое ОМ (общественное мнение) является правильным.

Короче говоря, Центр исследовал и (если надо – а надо всегда!) создавал правильное общественное мнение.

Дело не то чтобы тяжёлое – целый институт занят, а... трудоёмкое, что ли... Требующее настырности и масштаба. Оглушающего масштаба! Грубого оглушающего масштаба. Недаром над входной дверью в Центр полукругом был начертан девиз учреждения – слоган, как теперь говорят: «Мы добиваемся не правды, а эффекта!»

Подчинялся Центр-институт, естественно, минпропу – Министерству пропаганды.

Внутренняя жизнь учреждения сочетала в себе разные – даже взаимоисключающие – признаки: государственной (ещё бы!) организации с её полувоенными требованиями и полуанархическим их несоблюдением, хоть и приучены были младшие по званию вставать при появлении старших; новорусского офиса, то есть отделанной на вчерашний западный манер старорусской конторы с электрочайниками, приятно жужжащими по ламинату стульями на колёсиках и компьютерными мониторами со свёрнутыми (вдруг начальник зайдёт!) окнами соцсетей интернета; богемной тусовки, рождавшей в молодых, задорных ещё, умеющих локально оценивать своё творчество и не умеющих пока давать нравственную оценку конечному результату работы, сотрудниках свежие креативные идеи по внедрению в умы правильного и вытеснению, таким образом, из этих же умов неправильного мнения.

Молодые и задорные направлялись и дисциплинировались старыми и опытными, съевшими не одну собаку на всевозможных проявлениях верховной власти.

Центр-институт по праву назывался передовым (не путать с передовым общественным мнением в букве «П»!), держащим руку на пульсе, то есть использующим все передовые методы (в основном чужие – из своих только напор), поэтому-то интернет со всеми его пустопорожними издержками, навроде соцсетей, был обязателен.

Издержкой, анахронизмом даже, задорная технолюбивая молодёжь учреждения считала и сторожа, дублировавшего сигнализацию, оборудованную по последнему слову техники (чужой опять же!), на что старшее поколение, посмеиваясь в седые усы, даже не отвечало, традиционно полагая, что «человеческий фактор» в деле охраны, как и бумажку-бумазею при компьютеризации, отменять всё же нельзя – пусть будет и то и другое, так надёжнее.

Анахронизм-сторож Адамыч, причёсанный и довольный, сидел на топчане и под задорную (молодёжь!) утреннюю болтовню маленького телевизора пил чай, ожидая сдачи смены. Он даже уже служебный журнал заполнил – оставалось только расписаться в присутствии начальника режима. Как вдруг...

Дверь распахнулась настежь, ударившись о свёрнутую и приставленную к стене в свободном пространстве «конуры» стремянку. Утреннее спокойствие тревожно и оскорблённо брякнуло сначала дюралевым звуком лестницы, а затем возопило паническим голосом Петровны:

– Адамыч! Она – везде!

Петровна, без платка – он торчал из кармана синего сатинового халата, вскочила в сторожку. Она своим испугом в глазах, своей невыкрикнутой мольбой о помощи буквально сразила Адамыча, который под взглядом её оживших от недоумения глаз вспомнил, что он – мужчина. Встал. Пропитался солидностью силы:

– Петровна, ты чего? Кто она?

– Да плесень эта, чтоб её!..

Глава VI

Дружба на практике

В эпоху торжества разного рода менеджеров с общим юридическим или общим экономическим образованием быть химиком – это всё равно что быть белой вороной. Вы сами попробуйте среди своих знакомых найти молодого человека, вполне вменяемого и адекватного – интересующегося всем тем, чем обычно живёт всякий нормальный парень, но кроме этого ещё и... химией. Причём не на школьном уже уровне, когда в воде, подобно чуду, горит металл, а с выходом на профессионально-исследовательскую стезю. И не в какой-то там хим-пром-компании, производящей стиральный порошок, ароматизатор, идентичный натуральному, или ещё что-то из потребительской бытовой дряни... Не-ет! А в самой настоящей научной лаборатории органической химии в НИИ (не путать с вышеупомянутым институтом ВЦИСПОМ!) при Академии наук. Трудно представить, но нравится человеку этим заниматься – интересно ему, природа его такая – исследовательская. И зарплата у него... не на последнем месте, конечно, – он молод и одержим соблазнами... но она – не главный соблазн в приложении стараний. Соблазн познаний и открытий для него главнее.

Зовут молодого человека Боб... Вообще-то он Борис, но по юношеской традиции отрицания устоев и, таким образом, упрощения всего и вся он всем известен как Боб.

С утра выходного дня он торчал в гараже. Торчал – это буквально – стоял в открытом проёме двери в закрытых воротах и курил, изредка здороваясь с проезжавшими по проезду туда-сюда знакомыми соседями.

Нет-нет, не подумайте, что так он раздумывал над очередной научной загадкой, когда отлучённый на один день от профессиональной химии, он что-то там в гараже химичил... Повторяю, он – нормальный молодой человек около тридцати лет от роду, и если он что-то в субботу в своём гараже и «химичил», то исключительно в переносном смысле – в кавычках, то бишь.

Была у него не новая, но вполне на ходу, машина, он всегда старался ставить её в гараж и ни в коем случае не отрицал тезиса о том, что «гаражи – это мужской клуб», поэтому почему бы там не поторчать даже и просто так в свободный и ленивый день.

Одoleваемый смутным предчувствием чего-то неуловимого, не поддающегося формулировке, он эмпирически гадал, чем он обеспокоен: подкачать колёса – нет, не то; съездить заправиться – выезжать в грязь неохота, машину помыл; навести порядок в гараже – бессмысленно, кой толк переключать что-то с места на место. Поэтому Боб просто стоял и курил, ожидая чего-то.

Одна из проползавших мимо машин притормозила, словно бы в ответ на приветствие, и через пару секунд уверенно посторонилась чуть дальше с проезда. Из машины вышел Константин – сосед через несколько гаражей от Боба.

Константин – это тоже слишком длинно и официально, как в ЗАГСе, поэтому здесь он был Котом.

– Тебя увидел и сразу понял, как ты мне нужен, – широко раскрыв глаза под взметнувшимися при рукопожатии густыми бровями, заявил он с энтузиазмом.

В отличие от Боба, мало уделявшего внимания соответствию своего внешнего вида модным течениям, Кот всегда был в тренде. Даже машина одна и та же у него надолго не задерживалась – выходила из моды. Не любил человек постоянства – скучать начинал, а потому искренность высказанного интереса не вызывала у Боба никакого сомнения.

Вот оно – предчувствие! Как будто некую струну, хоть и не самую нервную, но всё же ощутимую, тянули в душе, тянули и наконец отпустили. Звякнула так, что от её дребезжания даже мурашки по плечам прошустрили. Интересно, интересно...

– Слушай, Боб, ты же химик?

– Ну...

– Разговор есть...

– Разговаривай, если есть.

Кот замялся:

– Да тут как-то... В дверях... В двух словах не объяснишь... Давай где-нибудь присядем.

– С утра, что ли?

– Да брось... Какое утро?... Обед скоро... Заодно и пообедаем...

Боб слегка разочаровался – и это всё?! А предчувствие-то какое было!.. Оказывается, перед банальной гаражной пьянкой... Уж не алкоголизм ли это? Предчувствия такие... Впрочем, делать всё равно нечего... Поехали – хочет же что-то рассказать-спросить... Послушаю.

Мысленными уговорами разочарование унять не удалось. Кот – это не та компания, которой Боб был бы рад. Административный служащий, работает в каком-то административном придатке... Возле власти трётся... Потому и гладкий такой... Не дурак, вроде, но что за человек – непонятно, до искренности у них дело не доходило, повода не было, да и специально друг другу в друзья они не набивались...

А тут вдруг!.. Уже интересно. Даже если ерунда какая-то – пусть будет.

– Ну, поехали, – вслух согласился со своими мыслями Боб.

Кот поменял энтузиазм с вопросительного на суетливый, хотя и точный – организованный:

– Тогда ставлю тачку и звоню в такси.

Он запрыгнул в свою машину и дал по газам задним ходом. Что-то интересное в его обращении должно быть – вон как спешит! И бухать собирается – обедать, типа! – поэтому машину ставит – аккуратный, блин...

Боб ждал, что Кот основную тему начнёт уже в такси. Не начал. Печки-лавочки, как будто почву прощупывал. Бобу даже весело стало – вот она административная суть: предложил-попросил, а теперь мнётся, сам себя боится, никому не доверяет. Однако язвить по этому поводу не стал – и слава богу! Понял, наконец, что Кот разговора не начинает только лишь из-за таксиста. Может, всё-таки, предчувствия не обманули и у него действительно что-то серьёзное? Впрочем, такие, как он, всё, что их касается, серьёзным считают... Они к себе вообще всегда очень серьёзно относятся.

А что? Всё резонно! Причём на бессознательном уровне! Власть... Ну, и подступы к ней – это закрытая территория. Только для своих – чужие там не ходят! А весь его этот трёп действительно отнюдь не никчёмный. Это система опознавания «свой-чужой» так у них работает. В режиме рефлекса – он ведь сам себе отчёта не отдаёт, что зондирует. Реально почву прощупывает! Безотчётно.

– Кот... Можно так – без церемоний?... – заговорил, наконец, Боб, когда они в ожидании основного заказа проглотили по стопке коньяка в недорогом кафе, куда приехали с предупредительными извинениями Кота – по-простецки, мол, из гаражей же. Зато музыка тут днём не орёт! Да и готовить умеют... Ну и лады – Боб не избалован!

– Да можно, – спокойно согласился Кот. – Ты – Боб, я – Кот, всё нормально...

– Ты где работаешь, Кот?

– Во ВЦИСПОМе...

Вопросительный взгляд как реакция.

– ...Всероссийский центр... – пауза. – Общественного мнения.

– А-а, слышал... Социологи?

– Да-а... там всяких полно...

На последней фразе снова стал заметен суетливый энтузиазм, расцветенный теперь зарумянившимися – кровь с молоком! – от коньяка щеками, и стал слышен нервный звон в коньяком же промытом голосе.

Боб догадался:

– Так ты по работе что-то хочешь? Что именно-то? Я ж химик...

Он так и спросил запанибрата – мол, ты ничего не перепутал? Сидел при этом, закинув одну руку на спинку соседнего свободного стула. Широко сидел.

В тёплой рубашке в клеточку, хоть и с клеймом фирмы на кармане, но такой простой – домашней, что Коту пришлось напрячься, чтобы не сморщиться. Он-то был хоть и не в галстук, но... В тренде!

– Вот-вот... Это-то... Поэтому-то...

Кот не мямлил – он уже совершенно сознательно оценивал ситуацию. И не в той её части, где решается, можно ли доверять выбранному человеку, а в той уже, когда оценивается, что ему самому будет, если потом окажется, что доверять было нельзя.

Решив, что ничего трагичного не случится – что такого-то, хотел как лучше, даже в выходной, по сути, работал – Кот созрел. Поднял, приглашая выпить, рюмку. Чокнулись. Влили. Проглотили. Пошипели вытянутыми губами. Закусили. Умиrotворились.

– Плесень у нас на работе завелась...

Усмешка Боба в молчании, взгляд – в стол.

– ...Странная какая-то... Не было, не было... Чистота и порядок не хуже, чем везде... Вдруг – бац, появилась! Чё-то... Как-то... Непонятно... Может... Подскажешь чего?

Боб и так-то не был хитрецом-интриганом, он это считал низостью, а хитрость вообще не считал умом, а тут ещё от коньячка размягчился, поэтому отреагировал искренне:

– Ха! В вашей конторе тоже?..

Кот как будто с надеждой, что он не один – они не одни! – суетливо спросил:

– А что, ещё где-то?

– Да-а... – важно, с показательной ленцой протянул неопределённо Боб.

Кто снова впал в энтузиазм суеты:

– А где ещё?

Боб высокомерно сгримасничал:

– Да это неважно... От меня-то ты чего хочешь?

Теперь с готовностью – опять суетливой – Кот соглашался, что основной в их компании уже не он, а Боб:

– Дык... Узнать бы... Чё это такое? Откуда? Почему?

«Подсуетиться хочет, – брезгливо отметил Боб, закусывая купленным не на его деньги мясом – действительно вкусным. – Карьерист!»

Кот суетился тем временем уже без удержу:

– Слушай! Так ты в курсе... Уже кто-то вас подтянул, да?.. Ты же при Академии наук?.. И что выяснили? Слушай, сделал бы ты анализ...

Самодовольный Боб жестом остановил собутыльника и не спеша – демонстративно! – встал, пошёл в туалет.

По пути состроил игривую мину двум подружкам, сучавшим над кофе, и по их реакции понял, что на обратном ходу они уже будут готовы приглашаться... И на танец (надо будет музыку сгношить), и пересесть (а чёр-рт, денег мало – ладно, Кот богатый).

Возвращаясь с удивлением увидел, что подружек нет... И прямо-таки с изумлением обнаружил, что они уже сидят за нужным столом и, потихоньку расслабляясь, слушают болтовню Кота – опять же суетливую по виду.

Увидев Боба, он прервал, судя по всему, рассказ о нём же:

– А вот... Вот, девушки, наш учёный! Светило! А чё вы смеётесь? Он в Академии наук работает! Скажи, Боб... И как раз сейчас мы обсуждали один практический научный эксперимент, который мой институт – я работаю в центре... институте... научном центре... я тоже учёный... только в другой области... Так вот! Наш... Мой институт заказывает в его лаборатории химанализ... Без балды, девушки... Всё очень серьёзно! Скажи, Боб...

– Да-а... Да! Неси образцы для анализа.

– Ну вот! И договорились... Видите, девушки, стоило вам здесь оказаться, как сразу дела стали решаться... Вы приносите удачу! Это судьба... Давайте выпьем...

И перестал обед быть обедом в том значении слова, когда имеется в виду заурядный приём пищи...

Господи! Какое узкое и тусклое это технологичное словосочетание – «приём пищи»! Как заправка автомобиля или зарядка аккумулятора. Слово же «обед» созвучно «обряду»! Особенно обед, переходящий в ужин, когда пища уже принята, остались только закуски под продолжающийся приём напитков, сопровождающийся разговорами, танцами, перекурами... В общем, тем, что и составляет основу сценария любой вечеринки, повод и начало которой, в конце концов, тонут в памяти.

Всё так и было бы с ясным уже продолжением в определившихся взаимных симпатиях – дело-то молодое! – если бы вдруг в женскую туалетную паузу Боб не вернул Кота к началу сюжета:

– Скажи, а чё ты впереди паровоза-то бежишь?

Во как! И формулировка, и тон вопроса ясно давали понять, что дистанция между людьми утоплена в спиртном так, что если и было какое-то расстояние до сих пор – социальное, финансовое, психологическое, то теперь оно перестало существовать до степени слияния в один двух виртуальных иерархических верстовых столбов. Даже память о начальной дистанции выпущена в воздух вместе с табачным дымом после затяжки, призванной обеспечить паузу для осознания метаморфозы отношений. И на колышущейся от учащённого дыхания поверхности алкогольного моря сам ставший единым верстовой столб дистанции мгновенно превратился в выпирающий штырь оголённого и острого самолюбия. О такой штырь не то что зацепиться – днище пробить можно и утонуть вслед за дистанцией между людьми. Тот факт, что стол и девочки оплачиваются из чужого кармана, не притупляло его остроту хотя бы вежливостью, а наоборот – заостряло пренебрежением, хоть и не кричащим пока, но вполне уже отчаянным – пьяным.

Кот сразу не понял, о чём речь – он уже забыл, с чего всё начиналось:

– Ты о чём?

Он и переспрашивал вполне дружелюбно – хорошо же всё!

– О плесени! – акцентировал ответ собутыльник, не мигая глядя в глаза – по пьяни взгляд держится легче. – Забыл уже...

Кот напряг лицо, стимулирую память, и через секунду тряхнул головой.

– А-а-а... – ему словно бы полегчало, как если бы до этого он успел испугаться в ожидании чего похуже – претензии по распределению женского пола, например. – Ты об этом...

– Ну да! Чё ты инициативу-то проявляешь? У нас... У вас... – Боб, выбрав-таки мысль, утвердительно махнул рукой: – У нас у всех этого не любят... Инициатива наказуема! Смотри, нарвёшься в своём стремлении на грубость... Я думаю, что ваши совершенно официально к нам с этой плесенью придут... А может уже пришли! Все приходят...

Дзынь – рюмочки. Пых – сигаретки.

– ... Поэтому в любом случае порожняк прогонишь. Не наберёшь ты тут очков. Даже... Ха-ха... в своём показательном служебном рвении. Ха-ха-ха...

Язва, всё-таки, Боб! Но Кот ничуть не смутился:

– А по фигу! – он тоже забыл про показательные приличия. – Нет так нет, с меня не убудет. Но и грех не проявляться, когда вся контора плесенью заросла, и никто не знает почему. А у меня друг – химик! Грех не использовать такой момент, правда? Ты ж-же мне друг?!

Боб, хоть и обратил внимание на сию утилитарность в подходе, но купился на искренность, с какой она была высказана. Он молча затянулся сигаретой и постарался – смог! – не поднимать глаза на «друга». Не стал обижать того надутым романтизмом:

– Полезная дружба лучше, чем бесполезная?..

Кот сморщился и втёр окурочек в пепельницу:

– Брось! Очень часто самая бескорыстная дружба начинается именно с практического интереса...

И ведь прав! Нельзя очевидность отрицать. Поэтому Боб поунял романтизм даже в его минимуме и стал дружить по предложенным правилам:

– Ну-у, твой интерес ясен... Давай теперь о моём поговорим... Химанализ – это ведь работа...

– Во-от! Правильный подход к дружбе... в смысле, к делу... Говори цену.

Боб сразу стушевался, однако быстро нашёлся и, посчитав в уме рабочее время спеца своей квалификации плюс реагенты плюс энергозатраты, назвал сумму оплаты.

– Годится. Соскобы материала для исследования и аванс завезу в понедельник после обеда в лабораторию...

– Нет! – резко перебил, словно испугавшись чего-то, Боб. – Не в лабораторию, а домой! Адрес такой-то... Вечером домой. Да! Кстати! – Он даже пальцами щёлкнул от просветления. – Конспиративный характер исследования предполагает удорожание работ в... два раза.

Кот откровенно изумился быстро созревшему нахальству партнёра в деловом подходе к дружбе. Однако, как говорится, за что боролись... Сошлись в итоге на полуторной цене.

Глава VII

«О сколько нам открытий чудных...»

Через несколько дней на трубке Кота отобразился вызов, которого он с нетерпением ждал – Боб...

Кот хоть и сказал, что ему «по фигу!», но ведь это по пьяни по фигу-то – под алкогольным градусом действительно всё гораздо более по фигу, чем без оногo... Однако, протрезвев и передав собственноручно и тайно (карьерная интрига всегда предполагает тайну!) полученные на салфетки образцы плесени Бобу на пробу, стал нервничать по поводу сроков исследования. Очень хотелось первенствовать в получении информации о вселившейся в здание ВЦИСПОМа заразе, Боб ведь что-то такое проговорил про кучу официальных уже обращений. Кот даже представлял себе, с каким сдержанно гордым видом он придёт с этим знанием, как с сюрпризом, в кабинет директора Центра...

Хотя нет... Сразу к директору – это чересчур... Чревато ответными интригами в самых неожиданных местах! Через головы непосредственных начальников можно оправданно прыгать только в случае чего-то по-настоящему чрезвычайного, требующего немедленного вмешательства ключевого – первого – лица. А тут сенсация маловероятна – откуда? – плесень! – и надо знать своё место... «Всяк сверчок знай свой шесток»!.. То есть показательно давать понять каждому чуть-выше-стоящему, что «он – начальник, я – дурак».

И удивительно, но стоило только Коту ввести свои мечты, начавшие было перепрыгивать через устоявшиеся, подобно многовековым крепостным стенам, иерархические ступени, в требования служебного регламента, как мечтать стало намного спокойнее – безопаснее для нервов.

Но и загонять мечтания в жёсткие рамки должностной инструкции было бы противостоительно – мечтания же! Должен же быть в них хоть какой-то полёт... А непосредственный начальник Кота – завсектором – оказался так мелок, что с высоты даже ограниченной субординацией мечты совсем не просматривался.

Первая крупная фигура, не могущая быть незамеченной в деле, касающемся внутренней жизни учреждения, – это начальник режима. Да! Вот о докладе кому мечты самые удобные... И даже обязательные!

Ведь каждый же сотрудник ВЦИСПОМа знает, что как только он становится обладателем информации о несоответствии происходящего правилам... то есть это... извините... надо с большой буквы – Правилам внутреннего распорядка, будь то опоздание на работу, курение в неположенном месте или (не дай бог для бдительности!) запах алкоголя, то обязан стук... в смысле это... как его... донести... то есть... доложить – во! – доложить!.. об этом в службу безопасности учреждения. В таких случаях предполагается режим анонимности и шкала поощрений, не только в виде премиальных, но и в карьерном плане.

И вот тут-то как раз по фигу, что это будет доклад о простой плесени (как, допустим, окажется) – здесь важно первенство доклада, документально подтверждающего проявленное на благо родного Центра старание, которое и станет одним из факторов-шагов в подъёме по тем самым иерархическим ступеням, ставшим сейчас невольной, но вполне оправданно, ограничителями мечтаний Кота. Итак...

– Что там у нас, Боб?

– Приезжай... Сам увидишь.

Интрига, разыгранная Бобом в приглашении, размазалась по пустым стенам обычной панельной однокомнатной ячейки, именуемой почему-то квартирой, в которой холостяковал учёный химик Боб.

Вид у хозяина был под стать жилищу – одни пластиковые шлёпки, предназначенные, вообще-то, для бассейна (а может, он их там и украл! – родилась неуважительная догадка), чего стоили! Домашней лабораторией служила кухня, провонявшая табаком и химией так, что в душу заказчика закралось подозрение к чистоте эксперимента. Спокойное лицо хозяина дома выражало при этом полную уверенность – чудом висящая в углу рта сигарета даже не вздрагивала.

Ни ужин, ни кофе-чай не предполагались – хозяин и не предлагал. Просто показал на кухонный стол, бывший, очевидно, лабораторным и объявил заключение:

– Плесень как плесень... Грибок, иначе говоря, ничего интересного! Или тебя название по латыни интересует?

Заказчик помотал головой, и не понятно было – латынь не интересует или ещё чего... Оказалось второе – маловато для доклада на службе:

– А откуда он взялся?

– Да я хрен его знает!

Нет, так дело не пойдёт... Надо же хоть что-то... Хоть в виде версий... И Кот властно надавил – в конце концов, он же платит!

– Так... Стоп! Боб, это же не результат! Грибок... Ну и что?! Почему? Зачем? Откуда? Весь Центр в нём... Ты пойми, мне фактура нужна, а не отмазка... Эту плесень поубирали везде, протравили места образования – всю контору твоей химией провоняли... Промыли, просушили... А она опять появилась! Эта плесень... А ты мне – грибок... Этого мало! Я тебе за что плачу?

Боб пожал плечами – уже не так уверенно, как вначале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.